

Говард Филлипс Лавкрафт

Кошмар в Ред-Хуке

(The Horror at Red Hook)

В каждом из нас тяга к добру уживается со склонностью к злу, и, по моему глубокому убеждению, мы живем в неизвестном нам мире — мире, исполненном провалов, теней и сумеречных созданий. Неизвестно, вернется ли когда-нибудь человечество на тропу эволюции, но в том, что изначально ужасное знание до сих пор не изжито, сомневаться не приходится.

Артур Мейчен

I

Пару недель тому назад внимание зевак, собравшихся на углу одной из улиц Паскоуга, небольшой деревушки на Род-Айленде, было привлечено необычным поведением высокого, крепко сложенного, цветущего вида человека, спустившегося с холма по дороге из Чепачета и направлявшегося по главной улице в центральный квартал, образуемый несколькими ничем не примечательными кирпичными строениями — главным образом лавками и складами, — которые одни только и придавали поселению оттенок урбанистичности. Именно в этом месте, без всякой видимой причины, с незнакомцем и случился странный припадок: пристально взглядевшись в самое высокое из зданий, он на секунду-другую застыл как вкопанный, а затем, издав серию пронзительных истерических воплей, бросился бежать, словно за ним гнались все демоны ада, но на ближайшем перекрестке споткнулся и грохнулся оземь. Когда заботливые руки помогли ему подняться и отряхнуть от пыли костюм, выяснилось, что он находился в здравом уме и, если не считать легких ушибов, полностью оправился от нервного срыва. Смущенно пробормотав несколько фраз, из которых явствовало, что в недавнем прошлом он перенес глубокую душевную травму, незнакомец повернулся и, не оглядываясь, зашагал обратно по чепачетской дороге. Когда он скрылся из глаз, все свидетели этого маленького происшествия сошлись во мнении, что подобного рода припадков меньше всего приходится ожидать от таких крупных, сильных и энергичных мужчин, каким, без сомнения, был давешний пострадавший. Всеобщее удивление ничуть не уменьшилось от того, что один из стоявших поблизости зевак сказал, что признал в нем постояльца известного в округе молочника, жившего на окраине Чепачета.

Как вскоре выяснилось, человек этот был нью-йоркским детективом Томасом Ф. Мелоуном, находящимся ныне в длительном отпуске по состоянию здоровья, подорванного в результате непомерного объема работы, взваленного им на свои плечи во время расследования одного жутковатого дела, которому несчастная случайность придала весьма трагическое завершение. Во время облавы, в которой он принимал участие, рухнуло несколько старых кирпичных домов, под обломками которых погибли как преследуемые, так и товарищи Мелоуна по службе. Обстоятельства катастрофы столь

потрясли детектива, что с тех пор он испытывал необъяснимый ужас при одном виде строений, хотя бы отдаленно напоминающих обрушившиеся, и в конце концов специалисты по умственным расстройствам посоветовали ему уехать из города на неопределенный срок. Полицейский хирург, у которого были родственники в Чепачете, предложил эту деревеньку, состоящую из двух десятков домов в колониальном стиле, как идеальное место для исцеления душевных ран. Недолго думая, больной отправился в путь, пообещав держаться подальше от главных улиц более крупных поселений до тех пор, пока на то не будет особого разрешения вунсокетского психиатра, под наблюдение которого он поступал. Прогулка в Паскоуг за свежими журналами была явной ошибкой, и несчастный пациент заплатил за свое ослушание испугом, синяками и стыдом.

Это было все, что удалось выведать сплетникам из Чепачета и Паскоуга; ровно столько же знали и занимавшиеся Мелоуном специалисты с самыми высокими научными степенями. Однако последним детектив пытался рассказать гораздо больше, и лишь откровенное недоверие, с каким воспринимались его слова, заставило его замолчать. С тех пор он носил пережитое в душе и ни единым словом не выразил несогласия с единодушным мнением окружающих, винивших в нарушении его психического равновесия внезапный обвал нескольких дряхлых кирпичных домов в бруклинском Ред-Хуке и последовавшую в результате смерть доблестных блюстителей закона. Он потратил слишком много сил, говорили ему, чтобы разорить это гнездо порока и преступности; по совести говоря, там было много такого, от чего может содрогнуться даже самый мужественный человек, а неожиданная трагедия явилась всего лишь последним ударом. Это простое объяснение было доступно каждому, а потому как Мелоун был отнюдь не прост, он решил в своих же интересах им и ограничиться. Ибо намекать лишенным воображения людям на ужас, выходящий за рамки всех человеческих представлений, — ужас, со времени прежних эпох поглощающий и переваривающий древние дома, кварталы и города, — означало, что вместо оздоровительного отдыха в деревне он бы прямиком отправился в войлочную камеру психиатрической лечебницы, но для этого он был слишком разумным человеком, если, конечно, не считать некоторой склонности к мистицизму. Его отличало чисто кельтское видение страшных и потаенных сторон бытия и одновременно присущая логикам способность замечать внешне неубедительные вещи — сочетание, которое послужило причиной тому, что в свои сорок два года он оказался далеко от родного дома и занялся делом, не подобающим выпускнику Дублинского университета, появившемуся на свет на георгианской вилле поблизости от Феникс-парка.

А потому сейчас, перебирая мысленным взором вещи, которые ему довелось видеть, слышать или только смутно прозревать, Мелоун был даже рад тому, что он остался единственным хранителем тайны, способной превратить бесстрашного бойца во вздрагивающего от каждого шороха психопата, а кирпичные ущелья трущоб, высящиеся посреди моря смуглых, не отличимых друг от друга лиц прохожих, — в жуткое напоминание о вечно стерегущем нас кошмаре. Это был не первый случай, когда Мелоуну приходилось скрывать свои чувства, ибо знавшие детектива люди считали его добровольное погружение в многоязычную бездну нью-йоркского дна чем-то вроде внезапного и необъяснимого каприза. Но как мог поведать он добропорядочным горожанам о древних колдовских обрядах и уродливых культах, следы которых

предстали его чуткому взору в этом бурлящем котле вековой нечисти, куда самые низкие подонки минувших развращенных эпох влили свою долю отравы и непреходящего ужаса? Он видел отсветы зеленоватого адского пламени, возжигаемого при помощи потаенного знания в самом сердце этого крикливого, пестрого людского хаоса, личиной которого была алчность, а душой — богохульное зло, и только чуть заметно улыбался в ответ на сыпавшиеся со всех сторон насмешки по поводу его нововведений в полицейскую практику. Доказывая Мелоуну бесплодность погони за фантастическими призраками и непостижимыми загадками, друзья-острословы цинично уверяли его, что в наши времена в Нью-Йорке не осталось ничего, кроме пошлости и ханжества, а один из них даже готов был биться об заклад на крупную сумму, что, несмотря на свои прежние острые публикации в «Дублинском обозрении», детективу не удастся написать по-настоящему интересной статьи о жизни городских трущоб. Сейчас, вспоминая те времена, Мелоун не мог не удивляться заложенной в основу нашего мироздания иронии, которая обратила в явь слова насмешливого пророка, хотя и вразрез с изначально заложенным в них смыслом. Ужас, навсегда отпечатавшийся в его сознании, не мог быть описан, потому что, наподобие немецкой книги, упомянутой однажды Эдгаром По, «es lasst sich nicht lesen» — он не позволял себя прочесть.

II

Ощущение скрытой тайны бытия постоянно преследовало Мелоуна. В юности он находил в самых обыкновенных вещах недоступную другим красоту и высокий смысл, что служило ему источником поэтического вдохновения, однако нужда, страдания и вынужденные скитания заставили его обратить взор в другую сторону, и он содрогнулся при виде многообразия ликов зла, таящихся в окружающем мире. С этого момента жизнь его превратилась в фантазмагорический театр теней, в котором одни персонажи быстро сменялись другими, и на сцене являлись то резко очерченные, исполненные угрозы образы в духе лучших работ Бердслея, то самые невинные фигуры и предметы, за которыми лишь смутно угадывались контуры ужасающих созданий, наподобие тех, что воплощены на гравюрах более тонкого и изощренного Гюстава Доре. Ему часто приходило в голову, что насмешливое отношение людей, обладающих высоким интеллектом, ко всякого рода сокровенным знаниям является счастьем для остального человечества, ибо стоит им хоть раз вплотную заняться изучением секретов, на протяжении многих веков берегаемых в рамках колдовских культов, как результаты их деятельности не только разрушат наш мир, но и поставят под вопрос существование всей вселенной. Без сомнения, подобного рода размышления накладывали несколько мрачноватый оттенок на мелоунский склад ума, однако мрачность эта с лихвой компенсировалась врожденными логическими способностями и тонким чувством юмора. Его вполне устраивало, что эти неясные, запретные видения оставались всего лишь объектом абстрактных умозаключений, и только когда исполнение служебного долга привело его к столкновению со слишком неожиданным и ужасающим откровением, этот баланс нарушился и наступила истерия.

Ред-Хукское дело впервые привлекло внимание детектива, когда он работал в полицейском участке на бруклинской Батлер-стрит, куда его временно

прикомандировали для оказания помощи тамошним сотрудникам. Ред-Хук представляет собой грязный людской муравейник, образовавшийся на месте старых портовых кварталов напротив Гавернерз-Айленд, сгрудившихся вдоль нескольких неухоженных улиц, что берут начало от доков и бегут вверх по холму, чтобы в конце концов соединиться с некогда оживленнейшими, а теперь почти не использующимися Клинтон-и Корт-стрит, ведущими в направлении Боро-Холл. В районе преобладают кирпичные строения, возведенные между первой четвертью и серединой прошлого столетия, а потому некоторые наиболее темные улочки и переулки до сих пор сохранили тот своеобразный мрачный колорит, который литературная традиция определяет не иначе как «диккенсовский». Состав населения Ред-Хука остается неразрешимой головоломкой для многих поколений статистиков: сирийские, испанские, итальянские и негритянские корни слились здесь воедино и, щедро посыпанные американским и скандинавским навозом, явили свету свои буйные ростки. Весьма странные крики вырываются порою из недр этого шумного столпотворения и вплетаются в чудовищную органную литанию пароходных гудков, исполняемую под аккомпанемент равномерного биения покрытых мазутной пленкой волн о мрачные причалы. Однако в давние времена Ред-Хук был совсем иным: на нижних улицах жили честные трудяги-морьяки, а повыше, в изящных резиденциях на склоне холма, селились состоятельные коммерсанты. Следы былого благополучия можно различить и в основательной архитектуре старых домов, и в редкой красоте немногочисленных сохранившихся церквей, и в некоторых других разбросанных там и сям деталях — прогнивших балясинах лестничных проемов, покосившихся, а порою и сорванных с петель массивных дверях, изъеденных червями декоративных пилястрах или безжалостно вытоптаных лужайках с поваленным ржавым ограждением. А иногда посреди плотно примыкающих друг к другу строений можно встретить легкий остекленный купол, в котором в стародавние времена собиралась семья капитана, чтобы часами наблюдать за океаном и ждать, когда на горизонте появится знакомый крылатый силуэт.

Отсюда, из этой морально и физически разлагающейся клоаки, к небу несутся самые изощренные проклятия на более чем сотне различных языков и диалектов. Бранясь на все лады и горланя грязные куплеты, по улицам шастают толпы подозрительного вида бродяг, а стоит случайно забредшему сюда прохожему скользнуть взглядом по окнам домов, как в них тут же гаснет свет и видневшиеся за стеклами смуглые, отмеченные печатью порока лица торопливо скрываются за плотными занавесками. Полиция давно уже отчаялась навести здесь хотя бы видимость порядка и заботится лишь о том, чтобы скверна не выходила за границы района и не заражала внешний мир. При появлении патруля на улицах воцаряется мрачное, напряженное молчание, и таким же молчанием отвечают на все вопросы следователей задержанные в Ред-Хуке правонарушители. По своей пестроте состав преступлений здесь не уступает этносу — в посвященном этому району разделе полицейского архива можно найти все виды беззакония, начиная от контрабанды спиртным и «белой костью» и кончая самыми отвратительными случаями убийства и членовредительства. И если статистический уровень преступности в Ред-Хуке не выше, чем в остальных примыкающих к нему районах, то в этом заслуга отнюдь не полиции, но ловкости, с какой здесь умеют скрывать грязные дела. Достаточно заметить, что далеко не все люди, посещающие Ред-Хук, возвращаются обратно — обычно это удается только умеющим держать язык за зубами.

В настоящем положении дел Мелоун обнаружил едва уловимые признаки некой тщательно оберегаемой ужасной тайны, не сравнимой ни с одним из самых тяжелых общественных пороков, о которых столь отчаянно вопиют добропорядочные граждане и которые столь охотно бросаются исцелять священники и филантропы. Ему, совмещавшему в себе пылкое воображение со строгим научным подходом, как никому другому было ясно, что современный человек, поставленный в условия беззакония, неумолимо скатывается до того, что в своей повседневной и религиозной практике начинает следовать не указаниям разума, а темным инстинктам, сохранившимся у него с доисторических времен, когда он еще мало чем отличался от обезьяны. Именно поэтому горлающие и сыплющие ругательствами процессии молодых людей с невидящими глазами и помеченными оспой лицами, попадавшие детективу в предрассветные часы на замусоренных улицах Ред-Хука, заставляли его всякий раз вздрагивать от отвращения чисто антропологического свойства. Группки этих молодых людей можно было увидеть повсюду: то они приставали к прохожим на перекрестках, то, развалившись в дверных проемах, наигрывали на примитивных музыкальных инструментах какие-то непостижимые мелодии, то пьянствовали или пичкали друг друга грязными историями у столиков пивнушек в Боро-Холл, а то заговорщицки шептались о чем-то, столпившись вокруг заляпанного грязью такси, припаркованного у высокого крыльца одного из полуразвалившихся домов с заколоченными окнами. При всей своей омерзительности они интересовали Мелоуна гораздо больше, чем он мог признаться своим товарищам по службе, ибо за ними скрывалась некая чудовищная сила, берущая начало в неведомых глубинах времени, некое враждебное, непостижимое и бесконечно древнее социальное существо, в своих проявлениях не имеющее ничего общего с бесконечными списками деяний, повадок и притонов преступного мира, с таким тщанием составляемыми в полицейских архивах. В нем зрело убеждение, что эти молодые подонки являются носителями какой-то жуткой доисторической традиции, хранителями беспорядочных, разрозненных обломков культов и обрядов, возраст которых превосходит возраст человечества. Слишком уж сплоченными и осмысленными были их действия, и слишком уж строгий порядок чувствовался за их внешней безалаберностью и неряшливостью. Мелоуну не доводилось попусту тратить время на чтение таких книжонок, как принадлежащие перу мисс Мюррей «Колдовские культы Западной Европы», а потому ему и в голову не приходило усомниться в том, что среди крестьян и некоторых других слоев населения издревле существует обычай устраивать нечестивые тайные сборища и оргии, восходящий к темным религиозным системам доарийского периода и запечатленный в народных преданиях как «черная месса» или «ведьмовской шабаш». Он ничуть не сомневался и в том, что зловещие порождения урало-алтайского шаманства и азиатских культов плодородия дожили до наших дней, и лишь иногда содрогался, пытаясь представить себе, насколько древнее и ужаснее должны они быть в реальности, даже по сравнению со своими самыми древними и самыми ужасными описаниями.

III

Заняться серьезным изучением Ред-Хука Мелоуна заставило дело Роберта Сейдема. Сейдем, ученый потомок древнего голландского рода, после смерти родителей унаследовал ровно такое количество денег, которое позволяло ему не гнуть спину ради

хлеба насущного, и с тех пор жил отшельником в просторном, но изрядно пострадавшем от времени особняке, что его дед своими руками построил во Флэтбуше во времена, когда эта деревушка представляла собой не более чем живописную группу коттеджей в колониальном стиле, притулившихся к островерхой, увитой плющом протестантской церквушке с небольшим голландским кладбищем за чугунной оградой. В этом уединенном жилище, возвышающемся в окружении почтенного возраста деревьев, Сейдем провел за книгами и размышлениями без малого шестьдесят лет, отлучившись лишь однажды, лет сорок тому назад, к берегам Старого Света, где провел, занимаясь неизвестно чем, полных восемь лет. Он не держал слуг и мало кому позволял нарушать свое добровольное затворничество. Близких друзей он не заводил, а немногочисленных знакомых, с кем еще поддерживал отношения, принимал в библиотеке — единственной из трех комнат первого этажа, которая содержалась в относительном порядке и была заставлена по стенам высоченными — от пола до потолка — стеллажами с рядами пухлых, замшелых от древности и отталкивающих с виду томов. Расширение городских пределов и последовавшее вслед за этим поглощение Флэтбуша Бруклином прошло для Сейдема абсолютно незамеченным, да и город постепенно перестал замечать его. Если пожилые люди при редких встречах на улице еще узнавали его, то для молодого поколения он был не более чем забавным толстым старикашкой, чей несуразный облик, включавший в себя нечесаную седую шевелюру, всклокоченную бороду, потертую до блеска черную пиджачную пару и старомодную трость с позолоченным набалдашником, неизменно служил поводом для улыбок. До тех пор пока этого не потребовала служебная необходимость, Мелону не доводилось лично встречаться с Сейдемом, однако ему не раз рекомендовали голландца как крупнейшего специалиста в области средневекового оккультизма, и однажды он даже собрался было взглянуть на принадлежащую ему перу монографию, посвященную влиянию каббалы на легенду о докторе Фаусте, — труд, который один из друзей детектива захлеб цитировал наизусть.

Сейдем стал представлять из себя «дело» после того, как какие-то его отдаленные и чуть ли не единственные родственники потребовали вынесения судебного определения о его невменяемости. Требование это, каким бы неожиданным оно ни показалось людям несведущим, явилось результатом длительных наблюдений и ожесточенных споров внутри семьи. Основанием для него послужили участвовавшие в последнее время странные высказывания и поступки патриарха: к первым можно было отнести постоянные упоминания каких-то чудесных перемен, которые вот-вот должны явиться миру, к последним — недостойное пристрастие к самым грязным и подозрительным притонам Бруклина. С годами он обращал все меньше внимания на свой внешний вид, и теперь его можно было принять за заправского нищего, что, кстати, не раз случалось с друзьями семьи, которые, к своему стыду и ужасу, замечали знакомые черты в опустившемся бродяге, доверительно шепчущимся со стайками смуглых, бандитского вида обитателей трущоб на станции подземки или на скамейке возле Боро-Холл. Все разговоры с ним сводились к тому, что, загадочно улыбаясь и через каждое слово вставляя мифологемы типа «Сфирот», «Асмодей» и «Самаэль», он пускался в рассуждения о каких-то могущественных силах, которые ему уже почти удалось подчинить своей власти. Судебное дознание установило, что почти весь свой годовой доход и основной капитал Сейдем тратил на приобретение старинных фолиантов, которые ему доставляли

из Лондона и Парижа, да на содержание убогой квартиры, снятой им в цокольном этаже одного из домов в Ред-Хуке. В этой квартире он проводил чуть ли не каждую ночь, принимая странные делегации, состоящие из экзотического вида иностранных и отечественных подонков всех мастей, и проводя за ее наглухо зашторенными окнами нечто вроде церковных служб и священнодействий. Сопровождавшие его по пятам агенты докладывали о странных воплях и песнопениях, что доносились до них сквозь громовой топот, служивший аккомпанементом этим ночным сборищам, и невольно поеживались, вспоминая их нечестивую, неслыханную даже для такого давно уже привыкшего к самым жутким оргиям района, как Ред-Хук, экзатичность и разнузданность. Однако, когда началось слушание дела, Сейдему удалось сохранить свободу. В зале суда манеры его снова стали изящными, а речи — ясными и убедительными. Ему не составило труда объяснить странности своего поведения и экстравагантность языка всецелой погруженностью в особого рода научное исследование. Он сказал, что все последнее время посвящал детальному изучению некоторых явлений европейской культуры, что неизбежно требовало тесного соприкосновения с представителями различных национальностей, а также непосредственного знакомства с народными песнями и танцами. Что же касается абсолютно нелепого предположения о том, что на его деньги содержится некая секретная преступная организация, так оно лишь еще раз подчеркивает то непонимание, с каким, как ни прискорбно, зачастую приходится сталкиваться настоящему ученому в своей работе. Закончив эту блистательно составленную и хладнокровно произнесенную речь, он дождался вынесения вердикта, предоставлявшего ему полную свободу действий, и удалился восвояси, исполненный гордости и достоинства, — чего нельзя было сказать о пристыженных частных детективах, нанятых на деньги Сейдемов, Корлеаров и Ван Брунтов.

Именно на этой стадии к делу подключились федеральные агенты и полицейские детективы, в числе последних и Мелоун. Блюстители порядка присматривались к действиям Сейдема со все нараставшим интересом и довольно часто приходили на помощь частным детективам. В результате этой совместной работы было выявлено, что новые знакомые Сейдема принадлежали к числу самых отъявленных и закоренелых преступников, которых только можно было сыскать по темным закоулкам Ред-Хука, и что по крайней мере треть из них неоднократно привлекалась к ответственности за воровство, хулиганство и незаконный ввоз эмигрантов. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что круг лиц, в котором вращался престарелый мистик, почти целиком включал в себя одну из самых опасных преступных банд, издавна промышлявшую на побережье контрабандой живого товара — в основном, всякого безымянного и безродного азиатского отребья, которое благоразумно заворачивали назад на Эллис-Айленде. В перенаселенных трущобах квартала, известного в те времена как Паркер-плейс, где Сейдем содержал свои полуподвальные апартаменты, постепенно выросла весьма необычная колония никому неведомого узкоглазого народца, при письме пользовавшегося арабским алфавитом, родство с которым в самых энергичных выражениях отрицали все выходцы из Передней Азии, жившие по обе стороны Атлантик-авеню. За отсутствием паспортов или каких-либо иных удостоверений личности они, конечно, подлежали немедленной депортации, однако шестерни механизма, именуемого исполнительной властью, порою раскручиваются

очень медленно, да и вообще, редко кто отваживался тревожить Ред-Хук, если его к тому не принуждало общественное мнение.

Все эти жалкие создания собирались в полуразвалившейся каменной церкви, по средам используемой в качестве танцевального зала, которая возносила к небу свои готические контрфорсы в беднейшей части портового квартала. Номинально она считалась католической, но в действительности во всем Бруклине не нашлось ни одного святого отца, который бы не отрицал ее принадлежность к своей конгрегации, чему охотно верили полицейские агенты, дежурившие около нее по ночам и слышавшие доносящиеся из ее недр странные звуки. Им становилось не по себе от воплей и барабанного боя, сопровождавших таинственные службы; что же касается Мелоуна, так он гораздо больше страшился зловещих отголосков каких-то диких мелодий (исходящих, казалось, из установленного в потайном подземном помещении расстроенного органа), которые достигали его слуха в моменты, когда церковь была пуста и не освещена. Дававший по этому поводу объяснения в суде Сейдем заявил, что, по его мнению, этот действительно не совсем обычный ритуал представлял собой смесь обрядов несторианской церкви и тибетского шаманства. Как он полагал, большинство участников этих сборищ относились к монголоидной расе и происходили из малоизученных областей Курдистана (при этих словах у Мелоуна захолонуло в груди, ибо он вспомнил, что Курдистан является местом обитания йезидов, последних уцелевших приверженцев персидского культа почитания дьявола). Однако чем бы ни кончилось слушание дела Сейдема, оно пролило свет на постоянно растущую волну нелегальных иммигрантов, при активном содействии контрабандистов и по недосмотру таможенников и портовой полиции захлестывающую Ред-Хук от Паркер-плейс до верхних кварталов, где, подчиняясь законам взаимовыручки, вновь прибывших азиатов приветствовали их уже успевшие обжиться в новых условиях братья. Их приземистые фигуры и характерные узкоглазые физиономии, странным образом контрастирующие с надетыми на них крикливыми американскими нарядами, все чаще можно было увидеть в полицейских участках среди взятых с поличным на Боро-Холл воришек и мелких гангстеров, и в конце концов было решено произвести их перепись, установить, откуда они берутся и чем занимаются, а потом передать в ведение иммиграционной службы. По соглашению между федеральными и городскими властями, дело это было поручено Мелоуну, и вот тогда-то, едва начав свое скитание по выгребным ямам Ред-Хука, он и оказался в положении человека, балансирующего на лезвии ножа над пропастью, имя которой было ужас и в самой глубине которой замаячила с виду жалкая фигурка Роберта Сейдема, как главного злодея и противника.

IV

Методы работы полиции отличаются широтой и разнообразием. За время своих блужданий по району Мелоуну удалось узнать немало разрозненных фактов, касающихся организации, чьи нелицеприятные контуры начали вырисовываться в голове детектива после разговоров с тщательно отслеженными «случайными знакомыми» — благодаря вовремя предложенной фляжке с дешевым пойлом, неизменно присутствовавшей в его заднем кармане, а иногда и суровым допросам перепуганных заключенных. Иммигранты действительно оказались курдами, однако говорили они на

неведомом современной лингвистической науке диалекте. Те немногие из них, что добывали себе пропитание честным трудом, в основном работали на подхвате в доках или спекулировали всякой мелочью, хотя некоторых из них можно было увидеть и за плитой греческого рестораника, и за стойкой газетного киоска. Однако подавляющая их часть не имела видимых средств к существованию и специализировалась по различным уголовным профессиям, самыми безобидными из которых были контрабанда и бутлегерство. Все они прибывали на трамповых сухогрузах и темными, безлунными ночами переправлялись в шлюпках к какой-то пристани, соединенной потайным каналом с небольшим подземным озером, расположенным под одним из домов на Паркер-плейс. Что это были за пристань, канал и дом, Мелоуну узнать не удалось, поскольку все его собеседники сохранили лишь самые смутные воспоминания о своем прибытии, к тому же излагали они их на столь ужасном наречии, что полностью расшифровать его было не под силу самым способным переводчикам. Неясной оставалась и цель, с которой все новые и новые партии курдов завозились в Ред-Хук. На все расспросы относительно их прежнего места жительства, равно как и агентства, предложившего им переехать за океан, они отвечали молчанием, однако было замечено, что едва лишь речь заходила о причине, побудившей их поселиться здесь, на их лицах появлялось выражение неприкрытого ужаса. В равной степени неразговорчивы оказались и гангстеры других национальностей; и все сведения, которые в конце концов удалось собрать, ограничивались лишь смутными упоминаниями о каком-то боге или великом жреце, пообещавшем курдам неслыханное доселе могущество, власть и неземные наслаждения, которые они обретут в далекой стране.

Вновь прибывшие иммигранты и бывалые гангстеры продолжали с завидной регулярностью посещать строго охраняемые ночные бдения Сейдема, а вскоре полиция установила, что бывший затворник снял еще несколько квартир, куда можно было войти, только зная определенный пароль. В целом эти конспиративные жилища занимали три отдельных дома, которые и стали постоянным пристанищем для сейдемовских страных сообщников. Сам он теперь почти не появлялся во Флэтбуше, изредка забегая туда лишь затем, чтобы взять или положить обратно какую-нибудь книгу. Внешний облик старого голландца продолжал медленно, но неуклонно меняться — теперь в чертах его лица, равно как и в поведении, сквозила некая неизвестно откуда взявшаяся диковатость. Дважды Мелоун пытался заговорить с ним, но оба раза разговор кончился тем, что ему было велено убираться восвояси. Сейдем заявил, что он знать ничего не знает ни о каких заговорах и организациях и понятия не имеет о том, откуда в Ред-Хуке берутся курды и чего они хотят. Его забота — изучать, по возможности в спокойной обстановке, фольклор всех иммигрантов района, а забота полицейских — охранять правопорядок, по возможности не суй нос в чужие дела. Мелоун не забыл упомянуть о своем восхищении, которое вызвала в нем монография Сейдема, посвященная каббале и древним европейским мифам, но смягчить старика ему не удалось. Почувствовав подвох, последний весьма недвусмысленно посоветовал детективу катиться куда подальше, что тот и сделал, решив отныне прибегать к иным источникам информации.

Что еще удалось бы раскопать Мелоуну, продолжай он постоянно работать над этим делом, мы теперь никогда не узнаем. Случилось так, что идиотская распря между городскими и федеральными властями на долгие месяцы затормозила расследование, и

Мелуону пришлось заняться другими делами. Но он ни на секунду не забывал о Ред-Хуке и потому был удивлен чуть ли не больше других, когда с Робертом Сейдемом начали происходить удивительные перемены. Как раз в то время, когда весь Нью-Йорк был взбудоражен прокатившейся по городу волной похищений и таинственных исчезновений детей, старый неряха-ученый претерпевал метаморфозы весьма загадочного и в равной степени абсурдного характера. Однажды он появился в Боро-Холл с чисто выбритым лицом, аккуратно подстриженными волосами и в безупречном костюме. С тех пор каждый новый день добавлял к его облику все новые черты светскости, и вскоре он уже мало чем отличался от самых утонченных щеголей, поражая знакомых несвойственными ему ранее блеском глаз, живостью речи и стройностью некогда грузной фигуры. Теперь, снова обретя упругую походку, бойкость манер и (как ни странно!) природный цвет волос, он выглядел гораздо моложе своих лет. С течением времени он начал одеваться все менее консервативно и в конце концов окончательно сразил своих знакомых серией многолюдных приемов, устроенных в его заново переоборудованном флэтбушском доме, куда он пригласил не только всех, кого мог припомнить, но и своих полностью прощенных родственников, которые еще совсем недавно яростно добивались его изоляции. Некоторые из гостей приезжали ради любопытства, другие — из чувства долга, но и те и другие не могли скрыть приятного удивления, вызванного умом и обворожительными манерами бывшего отшельника. Он заявил, что в основном закончил работу всей своей жизни, и теперь, после получения кстати пришедшегося наследства, завещанного ему одним полузабытым другом из Европы, он собирается потратить остаток своих дней на удовольствия, которые обещает ему вторая юность, ставшая возможной благодаря покою, диете и тщательному уходу за собой. Все реже и реже можно было увидеть его в Ред-Хуке, и все чаще появлялся он в обществе, для которого был предназначен от рождения. Полицейские отметили, что гангстеры, ранее собиравшиеся в цокольном помещении на Паркер-плейс, теперь зачастили в старую каменную церковь, используемую по средам в качестве танцевального зала, но и прежние, все еще принадлежащие Сейдему квартиры не были забыты, и там по-прежнему селилась вся районная нечисть.

Затем произошли два на первый взгляд ничем не связанных между собой, но в равной степени важных для Мелуона события. Первым из них явилось короткое объявление в «Орле», извещающее о помолвке Роберта Сейдема и юной мисс Корнелии Герристен, дальней родственницы новоиспеченного жениха, проживавшей в Бейсайде и прекрасно зарекомендовавшей себя в высших слоях общества. Вторым — обыск, проведенный городской полицией в старой церкви после того, как какой-то насмерть перепуганный горожанин доложил, что в одном из полуподвальных окон здания ему на секунду померещилось лицо ребенка. Мелуон, принимавший участие в облаве, воспользовался случаем и с особым тщанием исследовал каждую деталь интерьера. Полиция не нашла ровным счетом ничего — более того, это место выглядело совершенно заброшенным, — но обостренное кельтское восприятие Мелуона не могло пройти мимо некоторых очень подозрительных, очень неуместных в церкви вещей. Чего стоили хотя бы фрески, грубо намалеванные на стенах! Фрески, на которых лицам святых были приданы такие сардонические выражения и такие вольные позы, что, пожалуй, их не одобрил бы и самый заядлый атеист. Да и греческая надпись, что шла поверх кафедры, пробудила в нем отнюдь не самые приятные ассоциации, ибо бывший студент Тринити-колледжа

не мог не узнать в ней древнее колдовское заклинание, на которое он однажды наткнулся, перебирая пыльные рукописи в университетской библиотеке, и которое буквально гласило следующее:

«О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай и льющаяся кровь, ты, что крадешься в тени надгробий, ты, что приносишь смертным ужас и взамен берешь кровь, Горго, Мормо, тысячеликая луна, благоволи принять наши скромные подношения!»

При виде этой надписи, странным образом пробудившей у него в памяти отголоски диких органных мелодий, что во время его ночных бдений у стен церкви доносились, казалось, откуда-то из-под земли, Мелоуна охватила невольная дрожь. Ему пришлось содрогнуться еще раз, когда, обследуя алтарь, он обнаружил металлическую вазу, по краям которой шла темная, похожая на ржавчину полоска, а удушливая волна смрада, внезапно налетевшая невесть откуда и ударившая ему в нос, заставила его на минуту-другую застыть на месте от ужаса и отвращения. Память о варварских органных наигрышах не давала ему покоя, и, прежде чем уйти, он тщательно обшарил все подвальные помещения, но так ничего и нашел. Каким бы подозрительным ни казалось ему это место, он ничего не смог бы доказать, а все его интуитивные догадки относительно богохульственных фресок и надписей могли быть легко опровергнуты предположением, что они являются всего лишь плодом невежества и неискусности церковного художника.

Ко времени сейдемовской свадьбы похищения детей, вылившиеся в настоящую эпидемию, стали привычной темой газетных пересудов. Подавляющее большинство жертв этих странных преступлений происходили из семей самого низкого пошиба, однако все увеличивающееся число исчезновений вызвало у общественности настоящую бурю эмоций. Заголовки газетных статей призывали полицию положить конец беспрецедентной вспышке насилия, и властям не оставалось ничего иного, как вновь послать детективов из полицейского участка на Батлер-стрит искать в Ред-Хуке возможные улики, новые обстоятельства и потенциальных преступников. Мелоун обрадовался возможности снова пойти по старому следу и с готовностью принял участие в облаве, проведенной в одном из домов Сейдема на Паркер-плейс. Несмотря на поступившие сообщения о доносившихся из дома криках, полиция не обнаружила внутри никаких следов похищенных детей, за исключением найденной на заднем дворе окровавленной ленточки — из тех, что маленьким девочкам вплетают в волосы. Однако чудовищные рисунки и надписи, выцарапанные на облупившихся стенах почти во всех комнатах, а также примитивная химическая лаборатория, оборудованная на чердаке, утвердили Мелоуна во мнении, что за всем этим скрывается какая-то поистине ужасная тайна. Рисунки были на редкость отталкивающими — никогда ранее детективу не доводилось видеть такого количества чудищ всех мастей и размеров. Многочисленные надписи были выполнены каким-то красным веществом и являли собою смешение арабского, греческого, латинского и древнееврейского алфавитов. Мелоун не смог толком прочесть ни одной из них, однако и того, что ему удалось расшифровать, хватило, чтобы остановить кровь в его жилах. Ибо одна из наиболее часто повторявшихся инскрипций,

нацарапанная на эллинистическом варианте древнегреческого языка, изрядно сдобренного ивритом, носила очевидное сходство с самыми жуткими заклинаниями, которыми когда-либо вызывали дьявола под крышами безбожной Александрии:

HEL. HELOYM. SOTHER. EMMANVEL. SABAOTH. AGLA. TETRAGRAMMATON. AGYROS. OTHEOS. ISCHIRO. ATHANATOS. IEHOVA. VA. ADONAI. SADAY. HOMOVSION. MESSIAS. ESCHEREHEYE

Встречавшиеся на каждом шагу магические круги и пентаграммы весьма недвусмысленно указывали на предмет религиозного поклонения обитателей этого весьма обшарпанного жилища, прозябавших в нищете и убожестве. Последнее обстоятельство было тем более странно, если учесть, что в погребке полицейские обнаружили совершенно невообразимую вещь — небрежно прикрытую куском старой мешковины груды полновесных золотых слитков, на сияющей поверхности которых присутствовали все те же загадочные иероглифы, что и на стенах верхних помещений! Во время облавы полицейским не пришлось столкнуться со сколько-нибудь организованным сопротивлением — узкоглазые азиаты, высыпавшие из каждой двери в неисчислимом количестве, позволяли делать с собою, что угодно. Не найдя ничего существенного, представители власти убралась восвояси, но возглавлявший отряд капитан позднее послал Сейдему записку, в которой рекомендовал последнему быть более разборчивым в отношении своих жильцов и протееже ввиду сложившегося вокруг них неблагоприятного общественного мнения.

V

А потом наступил июнь, и Сейдем отпраздновал свадьбу, которая надолго запомнилась местным обывателям. Ни одно событие на их памяти не могло сравниться по своему великолепию с этим празднеством, которое Сейдемы и Герристенны устроили им на удивление. Начиная с полудня, весь Флэтбуш был запружен роскошными автомобилями, чьи разноцветные флажки весело развевались на ветру, а имена многочисленных приглашенных, сопровождавших новобрачных на пристань Кунард-Пиэр, если и не составляли украшение нью-йоркских светских хроник, то, по крайней мере, регулярно фигурировали в них. В пять часов прозвучали последние слова прощания; огромный трансатлантический лайнер отвалил от длинного причала и, медленно развернувшись носом на восток и отдав буксирные концы, величественно направился в безбрежные водные просторы, за которыми лежали все чудеса и соблазны Старого Света. К наступлению сумерек лайнер вышел за пределы внешней гавани Нью-Йорка, и припозднившиеся на прогулочной палубе пассажиры получили возможность вволю полюбоваться отражением звезд в незамутненных водах океана.

Сейчас уже никто не может сказать, что именно — гудок следовавшего встречным курсом парового сухогруза или жуткий вопль, донесшийся с нижней палубы, — первым нарушило мирное течение жизни на судне. Возможно, оба прозвучали одновременно, но сейчас это уже не имеет никакого значения. Кричали в каюте Сейдема, и вполне вероятно, что если бы матросу, взломавшему дверь и поспешившему на помощь молодоженам, удалось сохранить рассудок, он мог бы порассказать немало странных и ужасных вещей о том, что он там увидел. Однако этого ему не удалось — издав душераздирающий крик, по громкости превосходивший вопли первых жертв, он

выскочил из каюты и принялся, завывая, носиться по всему кораблю. Потребовалось немало труда, чтобы изловить его и заковать в железо. Корабельный врач, минутой спустя вошедший в покои новобрачных, избежал сей жалкой участи, но все последующие годы хранил гробовое молчание относительно того, что предстало его взору в то роковое мгновение. Исключением послужило одно-единственное письмо, которое он отправил Мелону в Чепачет. В нем он подтвердил, что кошмарное происшествие было запротоколировано как убийство, однако, естественно, ни в одном полицейском протоколе не были засвидетельствованы такие мелочи, как, например, глубокие царапины на шее миссис Сейдем, которые не могли быть оставлены рукой ее супруга, да и вообще любой другой человеческой рукой, или кроваво-красная надпись, некоторое время зловеще мерцавшая на стене каюты и позднее восстановленная доктором по памяти как халдейское «ЛИЛИТ». Стоило ли обращать внимание на подобные вещи, которые к тому же через несколько минут пропали без следа? Что же касается тела Сейдема, то врачу потребовалось сделать над собой изрядное усилие, прежде чем он смог приступить к осмотру омерзительных останков. В своем послании к Мелону доктор сделал особый упор на то, что ему не довелось лицезреть саму *Тварь*. За секунду до того, как он включил свет, за открытым иллюминатором каюты промелькнула какая-то фосфоресцирующая тень и в воздухе прозвучал слабый отголосок дьявольского смешка, но ничего более определенного ему явлено не было. Доказательством этому, утверждал доктор, может послужить тот факт, что он все еще находится в здравом уме.

Несколько минут спустя внимание экипажа целиком переключилось на подошедший вплотную к ним сухогруз. С парохода была спущена шлюпка, и вскоре толпа смуглых, вызывающего вида оборванцев, облаченных в потрепанную форму береговой полиции, уже карабкалась на борт лайнера, который ввиду всех этих весьма необычных обстоятельств временно застопорил машины. Вновь прибывшие тут же потребовали выдать им Сейдема или его тело — как видно, они знали не только о том, что он находится на борту, но и каким-то непостижимым образом уже пронюхали о его смерти. В тот момент на капитанском мостике воцарилось настоящее столпотворение, ибо два таких события, как доклад перепуганного доктора об увиденном им в каюте и последовавшее непосредственно за ним дикое требование невесть откуда взявшихся полицейских, могли поставить в тупик и мудрейшего из мудрецов, а не то что простого служаку-морьяка. Капитан все еще колебался, не зная, как ему поступить, когда предводитель назойливых визитеров, темнокожий араб с пухлыми губами, свидетелевавшими о том, что в его жилах течет негритянская кровь, протянул ему порядком помятый и замызганный листок бумаги. Он был подписан Робертом Сейдемом и содержал следующее странноватое сообщение:

В случае если мне суждено стать жертвой внезапного, равно как и необъяснимого, несчастного случая и буде он приведет к моей смерти, прошу вас незамедлительно и беспрекословно передать мое тело в руки подателя сего послания и его помощников. От вашей сговорчивости целиком и полностью зависит как моя собственная, так и, вполне возможно, ваша дальнейшая судьба. Все объяснения будут представлены позднее — исполните лишь то, о чем я вас прошу сейчас!

Роберт Сейдем

Капитан и доктор обменялись удивленными взглядами, после чего последний прошептал что-то на ухо первому. В конце концов оба беспомощно пожали плечами и повели непрошенных гостей к апартаментам Сейдема. Когда они отпирали дверь каюты, доктор посоветовал капитану не смотреть внутрь. Все последующее время, пока пришельцы находились внутри, он провел как на иголках, немного успокоившись только после того, как вся эта разношерстная толпа повалила наружу, унося на плечах свою плотно завернутую в простыню ношу. Он возблагодарил Бога за то, что сверток оказался достаточно тугим для того, чтобы не выдавать очертаний сокрытого внутри предмета, и что у носильщиков хватило ловкости не уронить его по дороге к ожидавшей их у правого борта шлюпке. Лайнер возобновил свой путь, а доктор и корабельный гробовщик вновь отправились в злосчастную каюту, чтобы оказать последние услуги остававшейся в ней мертвой женщине. Там врачу пришлось пережить очередное ужасное откровение, еще более усугубившее его скрытность и даже принудившее к намеренному искажению истины. Ибо когда гробовщик спросил, зачем доктору понадобилось выпускать всю до последней капли кровь из тела миссис Сейдем, у него не хватило смелости признаться, что он не имел к этому злодеянию ни малейшего отношения. Равно как не стал он обращать внимание своего спутника на пустые ячейки в сетке для бутылок и на резкий запах спиртного, доносившийся из водослива, куда, несомненно, и было вылито их изначальное содержимое. Только тут он вспомнил, что карманы темнокожих моряков — если, конечно, они были моряками и вообще людьми — сильно оттопыривались, когда они возвращались к своей шлюпке. Как бы то ни было, но два часа спустя на берег была послана радиограмма, и мир узнал все, что ему полагалось знать об этой трагедии.

VI

Тем же самым июньским вечером ничего не подозревавший о случившемся на судне Мелоун носился по узким улочкам Ред-Хука в состоянии крайнего возбуждения. Район бурлил, как потревоженный муравейник, а таинственные азиаты — все как на подбор старые знакомцы детектива, — словно оповещенные каким-то неведомым сигналом, в огромном количестве собирались и, казалось, ожидали чего-то возле старой церкви и сейдемовских квартир на Паркер-плейс. Только что стало известно о трех новых похищениях — на этот раз жертвами стали белокурые, голубоглазые отпрыски норвежцев, населявших соседний Гауэнес, — и до полиции дошли слухи, что взбешенные потомки викингов формируют ополчение, призванное навести порядок в Ред-Хуке и наказать виновных средствами самосуда. Мелоун, который уже несколько недель убеждал начальство произвести всеобъемлющую чистку в этом районе, наконец преуспел в своих попытках — под давлением обстоятельств, более понятных трезвому рассудку, чем домыслы дублинского мечтателя, руководство городской полицией все-таки решилось нанести сокрушительный удар по гнезду порока. Накаленная обстановка, сложившаяся в районе в тот вечер, только ускорила дело, и около полуночи сводные силы трех близлежащих полицейских участков ворвались на площадь Паркер-плейс и прилегающие к ней улицы, арестовывая всех, кто только ни подворачивался под руку. Когда были взломаны двери конспиративных жилищ, из полутемных, освещаемых только чадящими канделябрами комнат наружу хлынули неопишуемые орды азиатов, среди которых попадалось немало таких, что имели на себе митры, пестрые узорчатые халаты и другие ритуальные параферналии, о значении

которых можно было только догадываться. Большинство улики было утрачено в суматохе, ибо арестованные умудрялись выбрасывать какие-то предметы в узкие колодцы, о существовании которых полиция ранее не подозревала и которые вели, казалось, к самому центру Земли. Густой аромат поспешно воскуренного благовония скрыл все подозрительные запахи, но кровь — кровь была повсюду, и Мелоун содрогался от отвращения всякий раз, как взгляд его натыкался на очередной алтарь с еще дымящейся на нем жаровней.

Мелоун разрывался на части от желания попасть всюду разом, и наконец, после того как ему сообщили, что старинная церковь на Паркер-плейс полностью очищена от злоумышленников и что там не осталось ни одного необследованного уголка, остановил свой выбор на полуподвальной квартире Сейдема. Он полагал, что именно там спрятана отмычка, которая позволит ему проникнуть в самое сердце таинственного культа, центральной фигурой которого — теперь уже без всякого сомнения — являлся пожилой ученый-мистик. Поэтому понятно то рвение, с каким он рылся в пыльных, пахнущих сыростью и могилой комнатах, перелистывая диковинные древние книги и изучая невиданные приборы, золотые слитки и небрежно разбросанные там и сям пузырьки, запечатанные стеклянными пробками. Один раз он едва не споткнулся о тощего, черного с белыми пятнами кота, который скользнул у него между ног, попутно опрокинув стоящую на полу склянку с какой-то темно-красной жидкостью. Он здорово испугался, но отнюдь не от неожиданности. И по сей день детектив толком не может сказать, что ему померещилось тогда; однако с тех пор этот кот каждую ночь является ему во сне, и он снова и снова видит, как тот поспешно уносится прочь, претерпевая на ходу чудовищные превращения. Потом он наткнулся на эту ужасную подвальную дверь и долго искал, чем бы ее выбить. Под руки ему попало старинное тяжелое кресло, сиденьем которого можно было сокрушить порядочной толщины кирпичную стену, не то что трухлявые от времени доски двери, и он принялся за работу. Нескольких ударов оказалось достаточно, чтобы дверь затрещала, заскрипела и наконец рухнула целиком — но под давлением с другой стороны! Оттуда, из зияющей черноты проема, с ревом вырвалась струя ледяного воздуха, в котором, казалось, смешались все самые отвратительные миазмы ада. Оттуда же, из неведомых на земле и на небесах областей, пришла неодолимая затягивающая сила, которая сомкнула свои щупальца вокруг парализованного ужасом детектива и потащила его вниз — сквозь дверной проем и дальше, через необъятные сумеречные пространства, исполненные шепотов и криков и раскатов громового хохота.

Конечно, то был всего лишь сон. Так сказали врачи, и ему нечего было им возразить. Пожалуй, для него самого было бы лучше принять все случившееся за сон — тогда старые кирпичные трущобы и смуглые лица иноземцев не повергали бы его в такой ужас. Но сны не врезаются в память настолько, что никакая сила на свете не может потом вытравить из нее мрачные подземные склепы, гигантские аркады и бесформенные тени адских созданий, что чередой проходят мимо, сжимая в когтях полуобглоданные, но все еще живые тела жертв, вопиющих о пощаде или заходящихся безумным смехом. Там, внизу, дым благовоний смешивался с запахом тлена, и в облаках этих тошнотворных ароматов, проплывавших в ледяных воздушных струях, копошились глазастые, похожие на амёб создания. Темные, маслянистые волны бились об ониковую набережную, и один раз в их мерный шум вплелись пронзительные, дребезжащие звуки серебряных

колокольчиков, приветствовавших появление обнаженной фосфоресцирующей твари (ее нельзя было назвать женщиной), которая, идиотски хихикая, выплыла из клубившегося над водой тумана, выбралась на берег и взгромоздилась на стоящий неподалеку резной позолоченный пьедестал, где и уселась на корточки, ухмыляясь и оглядываясь по сторонам.

Во все стороны от озера расходились темные туннели, и могло показаться, что в этом месте находится источник смертельной заразы, которой в назначенный час предстоит распозлзтись по всему свету и затопить города и целые нации зловонною волною поветрия, пред которым побледнеют все ужасы чумы. Здесь веками назревал чудовищный гнойник Вселенной, и сейчас, когда его разбередили нечестивыми ритуалами, он готовился начать пляску смерти, цель которой состояла в том, чтобы обратить всех живущих на земле во вздутые пористые свертки гниющей плоти и крошащихся костей, слишком мерзостные даже для могилы. Сатана правил здесь свой Вавилонский бал, и светящиеся, покрытые пятнами разложения руки Лилит были омыты кровью невинных младенцев. Инкубы и суккубы возносили хвалу Великой матери Гекате, им вторило придурочное бляенье безголовых уродов. Козлы плясали под разнузданный пересвист флейт, а эгипяны, оседлав прыгавшие подобно огромным лягушкам валуны, гонялись за уродливыми фавнами. Естественно, не обошлось и без Молоха и Астарты — ибо посреди этой квинтэссенции дьяволизма границы человеческого сознания рушились, и его взору представали все ипостаси царства зла и все его запретные измерения, когда-либо являвшиеся или прозревавшие на земле. Ни созданный человеком мир, ни сама Природа не смогли бы противостоять натиску этих порождений тьмы, освобожденных от своих сумрачных узилищ, равно как ни крест, ни молитва не смогли бы обуздать вальпургиеву пляску ужаса, развязанную тщеславным схоластом, подобравшим ключ к наполненному дьявольским знанием сундуку, который ему принесла невежественная азиатская орда.

Внезапно эту исполненную фантазмов тьму прорезал яркий луч света, и посреди адского гвалта, поднятого богопротивными тварями, Мелоун расслышал плеск весел. Он становился все громче, и вскоре на мутной поверхности озера появилась большая лодка, на носу которой был установлен зажженный фонарь. Она пришвартовалась у массивного, вделанного в осклизлый булыжник набережной кольца и извергла из своих недр толпу смуглых, странной наружности людей, тащивших на плечах тяжелый, завернутый в простыни куль. Они бросили его к ногам обнаженной фосфоресцирующей твари, что восседала на резном золотом пьедестале, и та довольно захихикала и похлопала по нему рукой. Затем вновь прибывшие развернули куль и извлекли из него полуразложившийся труп дородного старика со щетинистой бородой и всклокоченными седыми волосами, который тут же и прислонили стоймя к пьедесталу. Фосфоресцирующая тварь издала еще один идиотский смешок, после чего люди с лодки достали из карманов какие-то бутылки и, окропив ноги мертвеца наполнявшей их красной жидкостью, передали их твари. Она принялась жадно пить.

В то же самое мгновение в одном из бесконечных сводчатых туннелей раздались треск и тяжелое сопение раздуваемых органных мехов, и через секунду из его темного зева вырвались низкие надтреснутые звуки нечестивой мелодии, дьявольским образом пародирующей святые гимны. Все вокруг пришло в движение: козлы, сатиры, эгипяны,

инкубы, суккубы, лемуры, амебы, кособокие лягушки, ревуны с собачьими мордами и просто безмолвные тени — все это кошмарное сборище образовало своего рода процессию и под предводительством отвратительной фосфоресцирующей твари, что до того, хихикая, сидела на золотом троне, а теперь важно выступала, сжимая в руках окоченевший труп дородного старика, направилось туда, откуда доносились холодящие душу звуки. Участники процессии скакали и кривлялись в приступе вакхического безумия, им вторили танцующие в хвосте колонны странные люди с лодки. Слепленный, растерянный, потерявший уверенность в своем земном или каком-либо ином существовании, Мелоун автоматически сделал было несколько неуверенных шагов вслед удалявшемуся шествию, но тут же пошатнулся и, хватая руками воздух, повалился на мокрый холодный булыжник набережной, где и лежал, задыхаясь и дрожа всем телом, в то время как нарастающие звуки демонического органа постепенно поглощали издаваемые процессией визг и вой и барабанный бой.

До его притупленного ужасом слуха доносились обрывки непристойных песнопений и отдаленные отзвуки невнятных квакающих голосов. Пару раз он слышал, как вся компания принималась выть и стенать в богохульственном экстазе. Однако вскоре все эти звуки сменились мощным, изрыгаемым тысячами глоток речитативом, в котором Мелоун узнал ужасную греческую надпись-заклинание, что ему довелось прочесть однажды над кафедрой старой, служащей ныне танцевальным залом церкви.

«О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай (в этом месте адское сборище испустило отвратительный вой) и льющаяся кровь (здесь последовали душераздирающие вопли вперемешку со звуками, которым нет названия на земле), ты, что крадешься в тени надгробий (затем, после глубокого свистящего выдоха), ты, что приносишь смертным ужас и взамен берешь кровь (далее, вслед за короткими, сдавленными воплями, исторгнутыми неисчислимым множеством глоток), Горго (и эхом повторенное), Мормо (и затем в исступлении экстаза), тысячеликая луна (и на выдохе, в сопровождении флейт), благоволи принять наши скромные подношения!»

Завершив песнопение, вся компания разразилась всеобщим воплем, к которому примешивались странные свистящие звуки, похожие на змеиное шипение, и на секунду за общим гвалтом не стало слышно даже органа, который на протяжении всей церемонии не переставал оглашать воздух своим басовитым дребезжанием. Затем из бесчисленных глоток вырвался возглас восхищенного изумления, и стены туннеля затряслись от оглушительных криков, лая и блеяния, общий смысл которых сводился к бесконечному повтору пяти жутких слов: «Лилит, о Великая Лилит! Воззри на своего Жениха!» Новые вопли, шум борьбы — и из туннеля донеслись быстрые влажные шлепки, как если бы кто-то бежал босиком по мокрому камню. Звуки эти явственно приближались, и Мелоун приподнялся на локте, чтобы лицом к лицу встретить этот новый вызов.

Окутывавший подземелье полумрак немного рассеялся, и в исходившем от стен призрачном свечении взору Мелоуна предстал неясный силуэт бегущего по туннелю существа, которое по всем законам божьего мира не могло ни бегать, ни дышать, ни даже собственно существовать. То был полуразложившийся труп старика, оживленный дьявольскими чарами только что завершившегося ритуала. За ним гналась обнаженная

фосфоресцирующая тварь, сошедшая с резного пьедестала, а у нее за спиной неслись, пыхтя от усердия, смуглые люди с лодки и вся остальная омерзительная компания. Напрягая каждый полуистлевший мускул, мертвец начал понемногу отрываться от своих преследователей — он явно держал курс на позолоченный резной пьедестал, очевидно являвшийся призом в этой жуткой гонке. Еще мгновение — и он достиг своей цели, при виде чего отвратительная толпа у него за спиной взвыла и наддала скорости. Но было уже поздно. Ибо, собрав последние силы, труп того, кто был некогда Робертом Сейдемом, одним прыжком одолел последние несколько метров, отделявшие его от пьедестала и со всего размаха налетел на предмет своего вождения. Сила удара была столь чудовищна, что не выдержали и с треском лопнули мускулы богомерзкого создания и его растерзанное тело бесформенной массой стекло к подножию пьедестала, который, в свою очередь, покачнувшись, наклонился и, немного побалансировав на краю набережной, соскользнул со своего ониксового основания в мутные воды озера, скрывавшие под собой немислимые бездны Тартара. В следующий момент милосердная тьма сокрыла от взора Мелоуна окружавший его кошмар, и он без чувств повалился на землю посреди ужасающего грохота, с которым, как ему показалось, обрушилось на него подземное царство тьмы.

VII

Рассказ ничего не подозревавшего о смерти Сейдема детектива о том, что ему довелось пережить в адском подземелье, странным образом подтверждается несколькими весьма красноречивыми уликами и совпадениями, выявленными в ходе расследования, — однако это еще не является основанием для того, чтобы принимать его всерьез. Во время облавы без всякой видимой причины обрушились три старых, изъеденных временем и плесенью дома на Паркерплейс, погребя под собой половину полицейских и большую часть задержанных, — причем за редким исключением и те и другие были убиты на месте. Спаслись удалось лишь тем, кто в этот момент находился в подвалах и цокольных этажах. В числе счастливых оказался и Мелоун, которого обнаружили в состоянии глубокого обморока на берегу черного озера, раскинувшегося глубоко под домом Роберта Сейдема, чье обезображенное тело, представлявшее из себя равномерную массу гниющей плоти и перемолотых костей и идентифицированное лишь по пломба и коронкам на верхней челюсти, лежало в двух шагах от бесчувственного детектива. Дело представлялось властям совершенно ясным: подземелье было соединено с побережьем узким каналом, по которому остановившие лайнер смуглые псевдотаможенники и доставили Сейдема домой. Их, кстати, так никогда и не нашли — во всяком случае, среди трупов, извлеченных из-под обломков, не нашлось никого, кто хотя бы отдаленно подходил под описание, предоставленное корабельным врачом, до сих пор не разделяющим уверенности полиции в столь простой природе этого таинственного дела.

Очевидно, Сейдем возглавлял обширную организацию контрабандистов, так как ведущий к его дому канал был лишь частью разветвленной сети подземных каналов и туннелей, опутывавшей всю округу. Один из таких туннелей соединял его дом с огромным пустым пространством под старой церковью, куда из последней можно было попасть лишь через узкий потайной проход, имевшийся в северной стене здания. В этом подземелье были обнаружены весьма необычные и страшные вещи, в том числе

расстроенный орган, установленный посреди просторной молельни с длинными рядами скамеек и отталкивающего вида алтарем. Стены молельни были испещрены темными отверстиями, ведущими к невероятно узким и тесным камерам, в семнадцати из которых были обнаружены скованные по рукам и ногам узники, пребывавшие в состоянии тихого и абсолютно неизлечимого умопомешательства. Страшно сказать, но среди них оказались четыре женщины с новорожденными младенцами на руках, и младенцы эти мало напоминали сынов человеческих. Все они умерли вскоре после того, как их вынесли на свет, и полицейские врачи сошлись во мнении, что это был для них самый лучший исход. Однако ни у одного из осматривавших этих странных выродков специалистов не всплыл в памяти мрачный вопрос старика Дельрио: «*An sint unquam daemones incubi et succubae, et an ex tali congressu proles nasci queat?*» Ни у одного, кроме Мелоуна.

Прежде чем подземные каналы были засыпаны, их осушили и тщательно обследовали дно. В результате было обнаружено огромное количество костных обломков различной величины. После того всем стало ясно, что именно отсюда исходила зловещая эпидемия киднеппинга, что в последнее время будоражила весь город. Однако из оставшихся в живых задержанных только двоих удалось притянуть к ответу, да и то они отделались всего лишь тюремным заключением, ибо прямых доказательств их участия в кошмарных убийствах так и не было найдено. Что же касается позолоченного резного пьедестала, который, по словам Мелоуна, представлял из себя предмет первостепенной важности для членов мерзкой секты убийц, то все поиски его оказались безрезультатными. Возможно, конечно, что он угодил в бездонную впадину, что находилась непосредственно под домом Сейдема и была слишком глубока для осушения. В конце концов жерло ее окружили стеной и сверху залили бетоном, чтобы она не мешала закладке фундаментов новых домов, но Мелоун так и не смог заставить себя забыть о ее страшном содержимом. Удовлетворенные успешным завершением операции по разгрому опасной банды религиозных маньяков и контрабандистов, полицейские чиновники передали тех курдов, что оказались непричастными к ее преступным деяниям, федеральным властям. Последние тут же депортировали из страны нежелательных азиатов, попутно установив, что они и в самом деле являются йезидами-дьяволопоклонниками. Сухогруз и его смуглокожая команда так и остались зловещей загадкой для всех, хотя иные отчаянные детективы громогласно утверждали, что в любой момент готовы оказать самый достойный прием этой своре контрабандистов и бутлегеров, стоит им лишь появиться вместе во своим кораблем в здешних водах. На эти хвастливые утверждения Мелоун лишь печально покачивал головой, удивляясь про себя безнадежной ограниченности блюстителей закона, которая не позволяет им обратить внимание как на тысячи лежащих перед их носом необъяснимых улик, так и на темную природу этого дела в целом; в равной степени сетует он и на газеты, помещающие на своих страницах лишь отдельные сенсационные подробности ред-хукского кошмара и в то же время принимающие за не заслуживающую публичного освещения секту маньяков-садистов то, что является манифестацией вселенского ужаса на Земле. Однако ему не остается ничего другого, как мирно сидеть в Чепачете, залечивая расшатанную нервную систему и моля Бога о том, чтобы все пережитое им за последние месяцы перешло из сферы реальной жизни в область причудливого, невероятного вымысла.

Роберт Сейдем покоится рядом со своей невестой на Гринвудском кладбище. Его омерзительные останки зарыли в землю без обычной в таких случаях церемонии, а многочисленные родственники молодоженов смогли облегченно вздохнуть лишь после того, как ужасное происшествие поросло наконец быльем. Соучастие пожилого ученого в кошмарных ред-хукских убийствах так и не было доказано юридически, поскольку смерть помогла ему избежать дознания, которому, в противном случае, он бы неминуемо подвергся. Даже обстоятельства его смерти не получили широкой огласки, а потому у клана Сейдемов есть все основания надеяться, что последующие поколения запомнят его лишь как тихого затворника, питавшего безобидную страсть к изучению магии и фольклора.

Что же до Ред-Хука, то он ничуть не изменился. Сейдем пришел и ушел — так же мимолетен был сопровождавший его ужас. Но зловещее дыхание тьмы и разложения по-прежнему овеивает эти скопища старых кирпичных домов, а стайки молодых подонков продолжают сновать по своим неведомым делам под окнами, в которых время от времени мелькают странные огни и перекошенные лица. Переживший века ужас неистребим, как тысячеголовая гидра, а сопровождающие его культы берут свои истоки в святотатственных безднах, что будут поглубже Демокритова колодца. Дух Зверя вездесущ и всемогущ, а потому горланящие и сыплющие ругательствами процессии молодых людей с невидящими глазами и отмеченными оспой лицами будут продолжать слоняться по Ред-Хуку, который является для них некой перевалочной базой, где они ненадолго останавливаются на пути из одной неведомой бездны в другую — на пути, куда их толкают бездушные биологические законы, которые они сами вряд ли понимают. Как и прежде, сегодня в Ред-Хук прибывает больше людей, чем возвращается обратно, и среди местных жителей уже поползли слухи о новых подземных каналах, прорытых контрабандистами и ведущих к тайным центрам торговли спиртным и другими, гораздо более предосудительными вещами.

В старой церкви, что ранее использовалась как танцевальный зал только по средам, теперь каждую ночь устраиваются весьма странные увеселения, а редкие прохожие не раз видели в подвальных окнах искаженные ужасом и страданием лица. А совсем недавно один полицейский ни с того ни с сего заявил, что засыпанное подземное озеро, то самое, с зацементированным жерлом глубоководной впадины, было разрыто опять — но кем и с какой целью, он не мог даже предположить.

Кто мы такие, чтобы противостоять Злу, появившемуся на Земле во времена, когда не существовало еще ни человеческой истории, ни самого человечества? Чтобы умиловить это Зло, наши обезьяноподобные азиатские предки совершали ритуалы, которые и сейчас, подобно раковой опухоли, пожирают все новые и новые кварталы древних кирпичных домов.

Мелоунские страхи отнюдь не лишены оснований — всего лишь два дня тому назад патрулировавший по Ред-Хуку полицейский услышал, как в одной темной подворотне смуглая узкоглазая старуха учила крохотную девочку какому-то малопонятному заклинанию. Заинтересовавшись происходящим, он остановился и напряг слух. И вот что он услышал:

«О друг и возлюбленный ночи, ты, кому по душе собачий лай и льющаяся кровь, ты, что крадешься в тени надгробий, ты, что приносишь смертным ужас и взамен берешь кровь, Горго, Мормо, тысячеликая луна, благоволи принять наши скромные подношения!»

Перевод: Игорь Богданов

1992 год